

К ЮБИЛЕЮ Г.В. ЗАЛЕВСКОГО

1 января 2008 г. доктору психологических наук, профессору, члену-корреспонденту РАО, главному редактору «Сибирского психологического журнала» Генриху Владиславовичу Залевскому исполнилось 70 лет.

Разносторонность знаний, глубина и гибкость мышления, высокая требовательность к себе и другим, ответственное отношение к своему профессиональному делу, жизненный оптимизм – это только некоторые качества, характеризующие юбиляра, благодаря которым он завоевал признание коллег и уважение учеников.

Более 50 лет посвятил юбиляр психологии, пройдя путь от ассистента до руководителя научной школы. Томская психологическая школа, в формировании которой решающую роль сыграл профессор Г.В. Залевский, получила признание не только в России, но и за ее пределами. Подготовленные им более 10 докторов и 50 кандидатов наук трудятся в качестве деканов факультетов психологии, заведующих кафедрами, профессорами и доцентами во многих городах России, ближнего и дальнего зарубежья.

Основные научные интересы Генриха Владиславовича находятся в области психологии личности в норме и патологии, клинической психологии и ее истории, этнопсихологии, бихевиорально-когнитивной терапии, фиксированных форм поведения индивидуальных и групповых систем (кстати, это понятие введено им в обиход в 1970 г.), супервизии.

Он автор более 300 печатных работ, в том числе 10 монографий и учебных пособий, среди них «Фиксированные формы поведения» (1976), «Теоретические основания психологического и психологического исследования», совместно с М.С. Роговиным (1988), «Психическая ригидность в норме и патологии» (1993), «Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, в норме и патологии)» (2004), «Основы бихевиорально-когнитивной терапии и консультирования» (2002, 2006); соавтор психологического практикума (1972), психологического словаря (1981); автор оригинальной методики «Томского опросника ригидности» (1987); переводчик и научный редактор ряда книг зарубежных авторов (2002); составитель-редактор двуязычных немецко-русского, французско-русского и многоязычного русско-англо-немецкого психологических словарей (1999, 2006, 2004).

Руководитель первой за Уралом лаборатории патопсихологии НИИ психического здоровья в Томске (1983–1993 гг.). Основатель и главный редактор первого за Уралом «Сибирского психологического журнала» (с 1995 г.).

Коллеги, ученики, редколлегия СПЖ, редакционный совет ТГУ желают Генриху Владиславовичу радости жизни, неиссякаемости творчества, благодарных учеников, верных друзей и единомышленников.

В связи с юбилеем мы попросили Генриха Владиславовича Залевского ответить на наши вопросы. Ниже публикуется текст этой беседы.

Генрих Владиславович, позвольте задать вам традиционный вопрос: как вы пришли в психологическую науку? Ведь по базовому образованию вы преподаватель иностранных языков?

Да, действительно, по базовому образованию я преподаватель иностранных языков – в 1966 г. окончил Иркутский педагогический институт иностранных языков им. Хо Ши Мина, факультет немецкого и английского языков. Иностранные языки – их изучение, владение ими – мне нравились еще, видимо, со школы, и в аттестате зрелости одной из немногих пятерок была пятерка по немецкому языку. Но до этого были война, оккупация немцами Украины и нашего городка Бара в Винницкой области, непонятная речь «страшных» дядечек, особенно тех, которые квартирова-

ли у нас в доме, затем немецкий в школе, который не любили из-за войны и «фрицев». Но у нас был хороший учитель немецкого языка, а мне лучше всех в классе удавалось чтение и произношение, не знаю, почему.

Значительно позже, это уже в 1961 г., опять встреча с немецким языком и немцами, когда я оказался в Группе Советских войск в ГДР. После армии мне не хотелось возвращаться на шахту в Донбасс, с которой я был знаком в течение почти трех лет и откуда в 1958 г. был призван в армию. Когда встал вопрос, куда после армии, для меня представился счастливый случай – некоторых отличников боевой и политической подготовки, каковым я был в армии, в 1961–1962 гг. по распоряжению Н.С. Хрущева досрочно демобилизовывали для поступления в вузы, и я попал в их число. Я решил поступать в институт иностранных языков, а выбор института определился тем, что моя старшая сестра в то время жила в Ангарске, а рядом Иркутск с соответствующим институтом. Как оказалось, мои оценки в аттестате зрелости были достаточно добротные (хорошо учили нас учителя Барской средней школы № 1), потому что после шести лет, которые прошли после окончания школы, я вступительные экзамены, даже неожиданно для себя самого, сдал замечательно – три пятерки и одна четверка за сочинение на свободную тему.

Учился я старательно, тщательно и с охотой, в отличие от многих мальчишек и девчонок, которые пришли в институт сразу после школы. Конечно, передо мной стояла и сверхзадача – догнать моих сверстников, которые уже отучились и работали. Я был ленинским стипендиатом, окончил институт с красным дипломом, и меня оставили в институте, предложив стать ассистентом языковой кафедры или кафедры педагогики и психологии. И тут на бифуркационной точке я выбрал то, что меня вело подспудно, – психологию. А что-то вело, наверное, прежде всего, как и многих других профессиональных психологов, интерес к человеку, к себе и окружающим, накапливаемый опыт общения и его трудности (в армии я младший командир – отделения, взвода, батареи; в институте – секретарь комитета комсомола института и т.д.), а также замечаемые какие-то слабости у себя самого и т.д.

Через год после окончания института меня направили на двухгодичную стажировку на кафедру психологии МГПИ им. В.И. Ленина, которой в то время руководил А.В. Петровский. Уже через год я поступил в аспирантуру по той же кафедре, а моими научными руководителями стали один из классиков отечественной психологии Николай Федорович Добрынин и только что защитивший докторскую диссертацию Михаил Семенович Роговин. Учеба в аспирантуре окончательно определила мою дальнейшую жизнь и мою профессиональную судьбу – ею стала психология. Ну а иностранный язык оказался тем замечательным средством, которое здорово мне помогло в профессиональной жизни. Я познавал мировую психологию из письменных и устных первоисточников еще в те времена, когда это было мало кому доступно, когда и переводной литературы было мало, да и та не всегда была качественной во многих отношениях.

Генрих Владиславович, кто конкретно из ученых и какие научные взгляды оказали влияние на формирование вашей собственной позиции?

Мне очень повезло со временем учебы в Москве и с учителями. Я уже говорил, что моими научными руководителями при подготовке кандидатской диссертации были Николай Федорович Добрынин и Михаил Семенович Роговин. Николай Федорович был большим специалистом в области психологии внимания и фактически стал предтечей отечественных исследований по проблемам мотивации, предложив понятие значимости. Михаил Семенович, который был моим научным наставником по существу, был глубоким ученым, настоящим философом психологии, историком психологии, владевшим тремя европейскими языками, а потому знавшим мировую психологию, в то же время тяготевшим к патопсихологии и психопатологии. Иностранные языки, скорее всего, позволили мне найти с Михаилом Семеновичем общий язык, а мой интерес к психопатологии, несомненно, его заслуга. Как психолог он участвовал в психиатрических семинарах, которые проводил главный психиатр Советского Союза академик РАМН Андрей Владимирович Снежневский, и нас привлекал к ним. Уже в моей кандидатской диссертации были представлены

элементы психопатологии. Фактически первые и большие материалы по моей кандидатской диссертации были опубликованы в «Журнале психиатрии и невропатологии им. С.С. Корсакова» (1970. Вып. 8, 9, 11), главным редактором которого был А.В. Снежневский. На мои научные взгляды, на формирование собственной научной позиции решающее влияние оказал М.С. Роговин, особенно его общая теория (системного) структурно-уровневого понимания человеческой психики. Его идеи своими корнями уходят во французскую психологическую и психопатологическую школу Пьера Жане, одного из учителей Жана Пиаже, в русле которой я проводил собственные экспериментальные исследования проблемы личности и фиксированных форм поведения в норме и патологии. Но, несомненно, на мое психологическое образование, которое я считаю тоже базовым, оказала влияние возможность учиться, слушая лекции, участвуя в семинарах, просто задавать вопросы и получать ответы, а иногда консультироваться у таких выдающихся отечественных психологов, как А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Б.В. Зейгарник, Д.Б. Эльконин, В.П. Зинченко, В.В. Давыдов, В.А. Артемов, Л.И. Божович, П.Я. Гальперин, А.В. Петровский, Б.Ф. Ломов, А.А. Смирнов, Ф.Б. Горбов (готовил Гагарина к космическому полету, а затем был первым оппонентом по моей кандидатской диссертации) и др., приходилось слышать Б.Г. Ананьева и В.Н. Мясищева.

Но еще раз хочу подчеркнуть, что на мою научную, да и жизненную позицию решающее влияние оказал Михаил Семенович Роговин, ну и, конечно, само исследование фиксированных форм поведения – не быть догматиком в науке и в жизни, быть гибким, толерантным и самодостаточным.

Генрих Владиславович, ваша теория фиксированных форм поведения имеет значительный потенциал развития. Об этом свидетельствуют и ваши научные работы, в том числе фундаментальный труд «Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем», а также работы ваших учеников и сотрудников. В чем причина неистощаемости интереса к феномену фиксированных форм поведения и психической ригидности?

Дело в том, что фиксированные формы поведения и психическая ригидность – это, несомненно, интересные в научном плане и очень актуальные в плане жизнедеятельности людей феномены. Ведь в данном случае речь идет о необходимости иметь ресурсы, быть готовым отдельному человеку и сообществам людей (от семьи до государства) жить или оказаться в ситуациях каких-либо природных или социальных (социально-экономических, социально-политических) изменений и с ними справиться. Особыми примерами таких ситуаций являются разного рода катаклизмы в виде революций, реформ, перестроек и инноваций. Это ситуации, которые нередко требуют изменить привычный образ жизни, традиции и привычки, когнитивные схемы и стили поведения, отношения, установки и т.д. Но, как оказывается, и в этом нас убедила не только наша перестройка, переход от одной социально-экономической формации к другой, но и экспериментально-психологические исследования, на этом пути определенные индивидуальные особенности человека и особенности групп людей затрудняют, а порой делают невозможным изменение психологии личности и группы. Я эти барьеры, в том числе и барьеры инновационных процессов, обозначил как фиксированные формы поведения, попытался систематизировать возможные модели их объяснения, имеющиеся в мировой литературе, а также предложить и свои объяснения этих феноменов. Но несмотря на то, что я этими проблемами занимаюсь уже много лет, да и мои ученики и сотрудники немало сделали в этой области, все еще много остается не проясненного относительно природы и механизмов фиксированных форм поведения, особенно в прикладном плане – их роль в разных сферах жизнедеятельности человека, профилактика, коррекция и терапия, возможности активизации гибкого потенциала личности, формирования «инновационного», а точнее, новаторского типа личности.

Генрих Владиславович, у вас большой жизненный и научный опыт. Вы внесли значительный вклад в психологическую науку, имеете заслуженное признание среди своих коллег. А как вы сами оцениваете свою научную карьеру, удовлетворены? И что еще не достигнуто?

В основном и целом вполне удовлетворен, поскольку трудился на ниве психологической науки и образования, как говорится, не щадя живота своего, и этот труд не остался незамеченным со стороны коллег и общества, что отмечено званиями, дипломами и грамотами, как, например, звания «Заслуженный деятель науки РФ» (1997), «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (2004), Почетная грамота Российского психологического общества «За личный вклад в развитие психологической науки» (2007), диплом лауреата конкурса губернатора Томской области в сфере образования и науки (2005), диплом победителя конкурса «За высокие достижения в науке, образовании и культуре» Томского государственного университета (2007) и т.д.

Хочу подчеркнуть, что, как мне кажется, я никогда специально не занимался деланием карьеры, т.е. самокарьеризацией, я всегда занимался делом: сам исследовал, организовывал, поддерживал исследования других, что-то создавал, строил, открывал, сочинял, а карьера получалась лишь как побочный продукт всех этих усилий.

А что еще не достигнуто? Не знаю. Хотя, может быть, Нобелевская премия...

Генрих Владиславович, вы человек с невероятной жизненной энергией. Поделитесь секретом вашей жизнестойкости.

Секретов нет, а поделиться могу – хотите быть жизнестойкими, будьте таковыми!

А если еще серьезнее, то, во-первых, я никогда не стоял, а тем более не лежал на одном месте, я всегда был в движении, а движение, как известно, это сама жизнь, это не только расходование энергии, но и ее приумножение. Когда я говорю о движении, то имею в виду не только физическое движение как таковое, в том числе и спорт, которым я всю жизнь охотно занимался (гимнастика, подвижные игры, плавание, пешеходный туризм, в котором я дослужился до кандидата в мастера спорта) и занимаюсь частично и сейчас, но и движение интеллектуальное и эмоциональное. Несомненно, в моей жизнестойкости «виноваты» и гены, и пример моей матери, которая осталась сиротой, а затем ей пришлось поднимать четверых детей и заботиться о больном муже в самые тяжелые годы оккупации, послевоенные голодные годы. Она проявила такую исключительную жизнестойкость, которая многим и не снилась. Да и меня жизнь не баловала, пришлось пройти и через холод и голод, падать и подниматься. Но я, видимо, стайер по природе и жизни.

Генрих Владиславович, и заключительный вопрос – каковы ваши научные, педагогические, жизненные планы?

Люблю я планы громадье! Научные: есть немало научных идей, которые хотелось бы еще реализовать самому или вместе с моими учениками; педагогические: продолжить ковать научные кадры высшей пробы, написать учебники по клинической психологии, истории клинической психологии и супервизии, завершить составление многоязычного психологического словаря, который, помимо английского, немецкого и французского языков, включал бы, как запланировано, языки испанский, украинский, являющийся моим родным, и один из восточных, скорее всего китайский; жизненные: по возможности, жить еще долго и качественно, помочь в осуществлении жизненных планов моим детям и внукам... и правнукам.